

УДК 165.0

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-44-50

НАУКА В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: СООБЩИК ИЛИ СОУЧАСТНИК?

Соколова Олеся Игоревна – кандидат философских наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: lesyabelikova@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8554-1036

В данной реплике к статье С.В. Шибаршиной автор доказывает, что характеристика науки как «сообщника» в конструировании повестки сужает смысловое понятие постправды. Основываясь на примере коммуникационных феноменов, так или иначе коррелирующих с этим понятием, автор предлагает более обобщённую интерпретацию постправды, не ограниченную ситуациями злого умысла и допускающую в том числе её нейтральные оценки. В такой трактовке постправда представляет собой возможность соучастия – например, в развлекательных целях. В работе отмечается, что особенностью постправды выступает размытость границ между истинной, неясностью, ошибкой и обманом. Предлагается иной вариант роли науки – как соучастника, или единомышленника, в изложении информации.

Ключевые слова: постправда, наука, правда, истина, ложная информация, сообщник, соучастник

Цитирование: Соколова О.И. Наука в эпоху постправды: сообщник или соучастник? // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 2. С. 44-50. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-44-50

Рукопись получена: 31 марта 2024

Пересмотрена: 23 мая 2024

Принята: 28 мая 2024

SCIENCE IN THE AGE OF POST-TRUTH: ACCOMPLICE OR ACCOMPLICE?

Olesya I. Sokolova – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation; e-mail: lesyabelikova@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8554-1036

In this reply to the article by S.V. Shibarshina, the viewpoint is substantiated, according to which the characterization of science as an “accomplice” in the construction of the agenda narrows the semantic concept of post-truth. Using the example of considering communication phenomena that somehow correlate with this concept, the author proposes a more generalized interpretation of the post-truth, not limited to situations of malicious intent, including allowing its neutral assessments. In this interpretation, post-truth represents the possibility of complicity, for example, for entertainment purposes. It is noted that the blurring of the boundaries between truth, ambiguity, error and deception is a feature of post-truth. The author proposes a different version of the role of science as an accomplice, or like-

minded person, in the presentation of information.

Keywords: post-truth, science, truth, false information, accomplice

How to cite: Sokolova, O.I. (2024). Science in the age of post-truth: accomplice or accomplice?. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (2): 44-50. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-44-50 (In Russian).

Received: 31 March 2024

Revised: 23 May 2024

Accepted: 28 May 2024

В своей статье С.В. Шибаршина (Шибаршина, 2024), анализируя роль научно-экспертного знания с точки зрения его влияния на принятие политических и экономических решений, называет науку «сообщником» в продвижении тех или иных позиций. Аргументом в пользу этой метафоры выступает то, что научное знание применяется для усиления чьего-либо влияния при принятии решений. Речь идёт об использовании информации, необходимой в рамках продвигаемой повестки. Наряду с научным сообществом, властью обладают и непрофессиональные научные коммуникаторы (например, научные журналисты или общественные активисты), хорошо информированные о научных темах и открытиях, а также демонстрирующие в публичной сфере свою осведомлённость об актуальных проблемах. Это позволяет автору, со ссылкой на авторитетные исследования, назвать состояние современности «эпохой постправды», где истина (или правда) намеренно скрыта и фактически недоступна получателю информации.

Однако то, что автор акцентирует внимание на отрицательной коннотации термина «сообщник» применительно к науке в условиях постправды, не представляется обоснованным. В русском языке сообщник – это не просто соучастник, а соучастник преступного деяния. Следовательно, перевод английского термина *accomplice* как «сообщник» (а не «единомышленник» или «соучастник») сужает смысловое поле понятия постправды. Получается, что информационный поток, формируемый заинтересованными структурами, специальным образом искажает информацию с имеющимся злым умыслом. Далее мы проследим, возможно ли свести понятие постправды к ситуациям злонамеренного искажения информации или же оно допускает иные оценки.

Анализ «политики постправды» является сегодня актуальным направлением исследований, его задача может быть сформулирована следующим образом: противостояние неистинной, неразумной, пропагандистской технологии конструирования повестки политическими элитами и экспертными сообществами посредством современных массмедиа, — «истинным, основанным на научном анализе дискурсивным практикам критического анализа интеллектуалов» («Политика постправды» и популизм, 2018, с. 8). Вместе с тем растущее количество публикаций по теме постправды остав-

ляет открытыми ряд принципиальных эпистемологических вопросов.

Например, вопрос о том, какими критериями мы можем руководствоваться при определении различий между истинными и ложными представлениями, фальшивой и правдивой информацией о событиях? Можем ли мы вообще говорить о различии между истинной и правдивой информацией?

Стоит обратить внимание, что на русский язык понятие *post-truth* может переводиться и как «постистина», и как «постравда». Причём часто забывают о том, что понятия «истина» и «правда» в русском языке имеют разные значения. Более того, если истину мы можем рассматривать как философскую категорию, обозначающую идеал знания, способы его достижения и обладающую историческим и типологическим аспектом, то гносеологическое значение понятия «правда» до сих пор не вполне ясно и требует уточнения. В западноевропейской философской литературе пара «истина – правда» соответствует одно слово: английское *truth*, французское *verite*, немецкое *Wahrheit*. В русском языке эти два понятия различаются уже с середины XIX в. С.А. Хмелевская и Н.И. Яблокова пишут: «Если истина характеризует наши убеждения в их отношении к реальности, то правда характеризует их в отношении к нравственным ценностям» (Хмелевская, Яблокова, 2023, с. 13). Этим можно объяснить то, что в сфере естественно-научного знания понятие правды практически не используется. Но оно может быть значимым с точки зрения методологии общественных наук – например, истории (Никифоров, Соколова, 2018). Концепции историков, рассказы о прошлых событиях мы скорее назовём правдивыми, нежели истинными.

Но стоит заметить, что применительно к понятию постправды различие между истинным и ложным стирается. С. Фуллер пишет, что «философы не просто расходятся во мнениях по вопросу о том, какие предложения “истинны” или “ложны”, но, что куда более важно, они расходятся во мнениях по поводу того, что значит сказать, что нечто “истинно” или “ложно”» (Fuller, 2018, р. 25). И.Т. Касавин определяет постправду как «стратегию простых решений трудных проблем, риторически искажающую свои реальные предпосылки и вероятные последствия» (Касавин, 2020, с. 10). Таким образом, особенностью постправды выступает размытость границ между истиной, неясностью, ошибкой или умышленным обманом.

С целью установления подобных границ Е.Н. Лисанюк и Н.В. Перова предлагают рассматривать понятие постправды с точки зрения двух сложившихся на этот счёт в исследовательской среде тенденций. Первая, академическая, тенденция состоит в том, чтобы определять постправду как недостоверную, или ложную, информацию. В рамках второй, публичной, тенденции принято считать, что в ситуации постправды «недостоверность, сознательно или нет, допускают, молчаливо с нею мирятся, либо участвуют

в ней» (Лисанюк, Перова, 2020, с. 221). И в том, и в другом случае создаётся «иллюзия сообщаемого» (Мельникова и др., 2023, с. 148). Опасность подобной ситуации состоит в том, что воспринимающий информацию субъект опирается не на факты, а на разъяснения этих фактов заинтересованными лицами. При этом субъект сам обладает информацией, полученной из Сети, поэтому у него складывается впечатление, что «все обладают достаточными знаниями для того, чтобы критиковать мнения экспертов в различных областях» (Масланов, 2023, с. 81). По этой причине возникают «симптомы релятивизации и девальвации правды» (Хруль, 2022, с. 7), сопровождающиеся утратой доверия научным доказательствам, ростом популярности «рецептов из Интернета» и, как следствие, «кажущееся превосходство нашего непосредственного чувственного опыта над различными рациональными построениями» (Каюткин, 2021, с. 84). Именно кажущееся, поскольку после получения информации знание, соответствующее действительности, в полном объёме не приобретается.

Рассматривая постправду как коммуникационную стратегию, И.Д. Тузовский предлагает классифицировать коммуникационные феномены, так или иначе коррелирующие с этим понятием (Тузовский, 2020, с. 47). Сразу отметим, что эта классификация не сводит понятие постправды исключительно к злонамеренным случаям.

Первый вид составляют не относящиеся к актуальным новостям феномены. Например, фольк-истори, или квазинаучные труды по истории, созданные людьми, далёкими от исторической науки и продвигающими необходимость коренного пересмотра той модели всемирной и/или отечественной истории, которая сложилась на основе фундаментальных научных исследований. Ещё несколько лет назад феномен фольк-истори, понимаемый как совокупность псевдоисторической литературы, не вызывал опасения, так как наличие в открытом доступе (особенно в Сети) работ, созданных дилетантами, рассматривалось в качестве нормы. Дискуссия и полемика вокруг тех или иных вопросов выступали индикаторами фальсифицируемости обсуждаемых теорий. Однако в ситуации постправды к обсуждению профессиональных вопросов в качестве полноценных участников подключаются не-профессионалы. В этом случае они должны либо опираться на методы доказательства и аргументации, принятые научным сообществом в рамках данной дисциплины, либо «дискредитировать научное сообщество, отыскивая во вненаучной сфере аргументы, которые дали бы право отрицать ценность критики со стороны профессиональных исследователей» (Володихин, 2000, с. 27). Преобладает второй путь: распространяются суждения, что учёные несостоятельны и умышленно фальсифицируют исторические факты. Только в начале 2000-х гг. представители этого «направления» интерпретации истории были осуждены научным сообществом. Но к этому моменту квазиистория уже заняла прочное место в общественном сознании.

Другим видом являются актуальные злонамеренные феномены, такие как фейковые новости и целенаправленная дезинформация. Работу с информационными ресурсами здесь можно сравнить с игрой в кубики, комбинация которых служит обоснованием той или иной теории.

Третий вид составляют незлонамеренные виды постправды. Например, фанфейки – намеренное создание новостных сообщений, основанных на несуществующих фактах, с целью мистификации и развлечения слушателей и читателей. Так, американское онлайн-издание *The Onion* является уникальным медийным субъектом, который создаёт сатирические фейковые новости. Публикации *The Onion* описывают вымышленные события, в которых высмеиваются традиционные новостные стандарты. Другой пример – сайт *dnatured.com*, название которого отсылает к журналу *Nature*.

Описанные феномены указывают на сложность исследования постправды в аспектах производства, оценки и распространения научного знания. Но не всегда постправда исходит из злого умысла – мотивом может служить и развлечение. Постправда представляет собой более широкое явление и самостоятельный информационный поток, формируемый заинтересованными структурами: властью и зависимыми от неё средствами массовой информации, продавцами товаров и собственниками брендов, другими участниками процесса массовых коммуникаций. Вместе с тем постправда – это не синонимом лжи в полной мере. Если для достижения необходимого результата достаточно приукрасить действительность или умолчать о каких-то фактах, коммуникаторы ограничиваются этим. Постправда – это более широкое понятие, не сводимое исключительно к ситуациям злонамеренного искажения информации, допускающее в том числе и нейтральные оценки.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Шибаршина, 2024 – Шибаршина С.В. Когда наука берётся в «сообщники»: к проблеме символической власти научного знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. № 2. С. 20-29.
- Володихин, 2000 – Володихин Д.М. Феномен фолк-хистори // Мир библиографии. 2000. № 3. С. 27-33.
- Касавин, 2020 – Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.

Каюткин, 2021 – *Каюткин Д.Ю.* Постправда и социальная эпистемология в современной социокультурной ситуации // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. № 1 (5). С. 79-89.

Лисанюк, Перова, 2020 – *Лисанюк Е.Н., Перова Н.В.* Стив Фуллер и его игра в знание в условиях пост-правды // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 221-226.

Масланов, 2023 – *Масланов Е.В.* Постправда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 74-82.

Мельникова и др., 2023 – *Мельникова А.А., Бирженюк Г.М., Соломонова Н.А., Шарафадина К.И., Успенская А.В.* Постправда как искусство лжи в современной медиакультуре // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 1А-2А. С. 144-152.

Никифоров, Соколова, 2018 – *Никифоров А.Л., Соколова Т.Д.* Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 81-85.

«Политика постправды» и популизм, 2018 – «Политика постправды» и популизм / Ред. О.В. Попова. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.

Тузовский, 2020 – *Тузовский И.Д.* Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42-60.

Хмелевская, Яблокова, 2023 – *Хмелевская С.А., Яблокова Н.И.* Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 2, ч. 1. С. 11-27.

Хруль, 2022 – *Хруль В.М.* «Постправда» в глобальном контексте: популярность, эвристическая ценность и онтологическая сущность // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. Т. 7. № 1. С. 5-22.

Fuller, 2018 – *Fuller S.* Post-Truth. Knowledge as a Power Game. L. – N.Y.: Anthem Press, 2018. 209 p.

References

Fuller, S. (2018). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. Anthem Press.
Kasavin, I.T. (2020). Science as a political subject. *Sociological Research*, 7, 3-14. (In Russian)

Kayutkin, D.Y. (2021). Post-truth and social epistemology in the modern socio-cultural situation. *Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice*, 1 (5), 79-89. (In Russian)

Khmelevskaya, S.A., Yablokova, N.I. (2023). Returning to the philosophical understanding of the phenomenon of post-truth (post-true). *Ideas and Ideals*, 15, 2 (1), 11-27. (In Russian)

Khrul, V.M. (2022). “Post-truth” in a global context: popularity, heuristic value and ontological essence. *Communications. Media. Design*, 7 (1), 5-22. (In Russian)

Lisanyuk, E.N., Perova, N.V. (2020). Steve Fuller and his game of knowledge in the conditions of post-truth. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 53, 221-226. (In Russian)

Maslanov, E.V. (2023). Post-truth and incommensurability: science and politics in the post-truth era. *Bulletin of Tomsk State University*, 486, 74-82. (In Russian)

Melnikova, A.A., Birzhenyuk, G.M., Solomonova, N.A., Sharafadina, K.I., Uspenskaya, A.V. (2023). Post-truth as the art of lying in modern media culture. *Culture and Civilization*, 13 (1A-2A), 144-152. (In Russian)

Nikiforov, A.L., Sokolova, T.D. (2018). Truth and true as key concepts of the philosophy of history: towards an epistemological assessment of historical writings // *Issues of Philosophy*, 12, 81-85. (In Russian)

Popova, O.V. (Ed.). (2018). *“Politics of Post-Truth” and Populism*. Scythia-Print. (In Russian)

Shibarshina, S.V. (2024). When science is taken into “accomplices”: on the problem of the symbolic power of scientific knowledge. *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 2, 20-29 (In Russian)

Tuzovsky, I.D. (2020). Post-truth as a syndrome of the digital age: the ultimate understanding of the phenomenon and scenarios of the future. *Philosophical Thought*, 12, 42-60. (In Russian)

Volodikhin, D.M. (2000). The phenomenon of folk history. *The World of Bibliography*, 3, 27-33. (In Russian)